

«ДО АЛЕКСАНДРА И ИСАКИЯ»: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
МЛАДШЕГО ИЗВОДА НОВГОРОДСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ¹

Последняя фраза Предисловия к «Временнику», читаемого в списках Новгородской 1-й летописи младшего извода (Н1 мл) и летописях Новгородско-Софийской группы, определяет хронологические пределы летописного рассказа временем «от Михаила цесаря до Александра и Исакия» (в Троицком списке Н1 — «Олекси Исакия»)². Большинство исследователей это указание понимается как имеющее в виду византийских императоров Алексея и Исаака Ангелов, действующих лиц включенной в Н1 под 6712 (1204) г. «Повести о взятии Царьграда фрягами»; чтение «Александра» исправляется при этом на «Олексы» на основании Троицкого списка Н1 мл³.

Возможность сохранения Троицким списком и только им первоначального чтения данного места была недавно справедливо поставлена под сомнение С. Фоллиным, заметившим, что это уникальное чтение есть скорее результат вторичной правки, чем отражение архетипа Предисловия⁴. В пользу этого говорит и обычно не отмечаемая грамматическая аномальность чтения Троицкого списка («Олекси Исакия»). Ее можно объяснить копированием оригинала, в котором исход первого имени в «стандартном» чтении «до Александра и Исакия» был подскоблен или вымаран, результатом чего явилась именно та буквенная последовательность, которую находим в Троицком списке: «до Олек(андра) и Исакия» → «до олекс(...)исакия». По всей вероятности, кто-то из читателей антиграфа Троицкой рукописи, соотнеся фразу с «Повестью о взятии Царьграда», попытался исправить ошибочное, с его точки зрения, чтение.

В более глубокой текстологической перспективе это чтение действительно предстает как ошибочное. Как мы показываем в специальной работе, архетип Предисловия начала XV в. содержал целый ряд заведомо испорченных чтений, что может объясняться лишь работой его писца с древним оригиналом, который он местами не мог разобрать⁵. Одним из таких мест могло быть окончание последней фразы, в которой писец не прочел слова «Олексия» (или «Олексы»), «раскрыв» плохо читаемое место как «Александра». Другая возможность заключается в том, что писец архетипа решил привести имена императоров в их канонических формах, сделав из «Олексы» «Александра», а из «Исака» «Исакия». В обоих случаях, однако, возникает вопрос: почему «Олекса» был превращен именно в Александра, а не в Алексея, что не только соответствовало бы действительности (положим, что полного имени брата Исаака Ангела летописец мог и не знать), но и в большей степени отвечало бы древнерусскому антропонимическому узусу.

Действительно, хотя с формальной точки зрения форма *Алекса* (*Олекса*) может в равной степени быть сокращением (гипокористикой) канонических имен *Алексей* и *Александр*, древнерусский антропонимический узус, по-видимому, устойчиво соотносил ее только с первым именем⁶. В тех (немногих, правда) случаях, когда мы знаем или имеем достаточно оснований

¹ Работа написана в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей». Статья по докладу на V Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси».

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 104, 512.

³ Альтернативная идентификация «Олексы» и «Исакия» с Алексеем Комниным и его братом Исааком, севастократором, была предложена А. А. Шахматовым, который, впрочем, впоследствии сам от нее отказался, вернувшись к традиционной точке зрения. См. обзор литературы: Гиппиус А. А. Предисловие к Софийскому временнику (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (13). С. 144.

⁴ Фоллин С. Об одном возможном источнике предисловия к Начальному своду // Ruthenica. Київ, 2009. Vol. 7. С. 140–153.

⁵ Гиппиус А. А. Предисловие к Софийскому временнику (Киевскому Начальному своду). С. 161–163.

⁶ Ср. высказывание на этот счет Б. Унбегауна: «Все уменьшительные формы имени *Алекса́ндр* равно приложимы к имени *Алексе́й* (полная фамилия *Алексе́ев*). Тот факт, что в современном русском *Саша* является обычной уменьшительной формой имени *Алекса́ндр*, тогда как *Алёша* и *Лёня* соотносятся с именем *Алексе́й*, дает основание предполагать наличие этой двойной связи и в древнерусском» (Унбегаун Б. Русские фамилии. М., 1989. С. 84.).

предполагать, какое каноническое имя носил тот или иной Алекса, этим именем оказывается *Алексей*. Так, сочетание имени и отчества Алексы Лазаревича, главного писца Мстиславова Евангелия, справедливо увязывается с совпадением в месяцеслове кодекса неподвижной памяти воскресения Лазаря (17 марта) и памяти Алексея, человека Божия⁷. Новгородский летописец, сообщая под 1208 г. о несправедливой казни некоего Алексы Сбыславича, специально отмечает, что это произошло «на святого Аляксия», из чего также можно заключить, что казненный был Алексеем⁸. Наконец, автор «Повести о взятии Царьграда» едва ли стал бы называть «Олексой» Алексея Ангела, если бы такое именование не обладало в его глазах (как, следовательно, и в глазах его читателей) идентификационной достаточностью.

На этом фоне появление в архетипе Предисловия имени «Александра цесаря» вряд ли может быть истолковано как случайная ошибка писца, «не угадавшего» истинного канонического имени византийского императора. Чем же в таком случае руководствовался новгородский книжник начала XV в., производя эту замену?

Возможный ответ на этот вопрос подсказывает наблюдение А. Г. Боброва, обратившего внимание на следующее обстоятельство: отсутствующий среди византийских василевсов XI—XV в. «Александр цесарь» отыскивается между тем среди новгородских посадников конца XIV — начала XV в. Необычное прозвище «Цесарь» носил посадник Александр Фоминич, упоминаемый источниками с 1398 по 1421 г. В погодных статьях Н1 мл он называется только по имени и отчеству (под 1411 и 1421 г.), но запись минеи 1398 г. сообщает о написании книги «повелѣнием архиепископа владыцѣ Ивана при посадницѣ Александрѣ Ц(е)с(а)ри»⁹. Еще раз, в сниженной форме «Царько», то же прозвище выступает в сообщении о смерти Александра Фоминича, читаемом в летописи Аврамки: «Того же лѣта преставистася два посадника въ мнишьскомъ чину: Федоръ Тимофѣвичъ и Александръ Царько»¹⁰. Отметив переключку с Предисловием, А. Г. Бобров замечает: «Не связано ли каким-то образом чтение всех списков (кроме Тр.) “до Александра” с необычным прозвищем посадника Александра Фоминича?»¹¹.

Подтвердить эту соблазнительную догадку могло бы только одно — обнаружение в том же историческом контексте подходящего претендента на роль «Исакия». Проверка этой возможности оказывается неожиданно результативной и, как кажется, влечет за собой любопытные следствия для летописной текстологии.

Удачным для нас образом новгородское летописание знает за всю его историю только двух Исаков. Один из них — Исаак Андреевич Борецкий — появляется на исторической сцене в 1417 г., а сходит с нее в середине 50-х годов XV в., т. е. принадлежит другому поколению, чем Александр Цесарь, и пары ему составить не может.

Самого пристального внимания заслуживает между тем другой персонаж — Исаак Акинфов (Окифов, Онкифов), построивший в 1395 г. каменную церковь — Собор архангела Михаила — в Аркажском монастыре, а спустя два года, в 1397 г., церковь Рождества Богородицы в Десятинном монастыре¹². Третий раз Исаак Акинфов упоминается летописями под 1421 г., когда им был завершён ещё один каменный храм — Богоявления на Поле¹³. По предположению А. В. Кузьмина, Исаак Акинфов был сыном Акинфа Жабина, построившего в 1345 г. церковь Спаса на Ковалева¹⁴.

⁷ Лисовой Н. Н. К датировке Мстиславова Евангелия // Мстиславово Евангелие XII в. Исследования. М., 1997. С. 715.

⁸ НПЛ. С. 50.

⁹ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. 2-е изд. СПб., 1882. Стб. 285–286; Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV вв. М., 2000. С. 387.

¹⁰ ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 176.

¹¹ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 224. Прим. 9.

¹² НПЛ. С. 387, 388.

¹³ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 176.

¹⁴ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. С. 275; Кузьмин А. В. Из истории генеалогических связей русского провинциального дворянства (Ч. I: Жабины, Буевские и их родичи во второй половине XV — первой трети XVII века) // Исторические записки. Электронный журнал Воронежского государственного университета. URL: <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/04-04.htm>.

Нужно оговорить, что отчество Исака Акинфова и имя его вероятного отца сильно варьируют по спискам летописей. Вариативность эта имеет двоякую природу, демонстрируя, с одной стороны, различные формы адаптации на русской почве канонического имени *Иакинф* (*Акинф*, *Окинф*, *Онкиф*), а с другой — следствия ошибочного соотнесения разговорных форм этого имени с другим каноническим именем — *Онисифор* (> *Онсифор*, *Онцифор*, *Ончифор*). Распределение вариантов представлено в таблице¹⁵:

	6853	6903	6905	6929
Н1 мл	—	Исакъ Онкифовъ	Исакъ Онкифовъ	—
Н4	Онкифъ (Анкифъ) Жабинъ	Исакъ Онкифовъ	Исакъ Анкифовъ (Онкифовъ)	Исаакъ Онкифоровичъ
НК	Акинфъ Жабинъ	Исакъ Онцифоровъ	Исакъ Онцифоровъ	Исакъ Окинфовъ
ЛА	Окинфа Жабинъ	Исакъ Окинфовичъ	Исакъ Окыфновичъ	Исакъ Онкифовъ
Н2	Онцифор Жабинъ / Акинфъ	—	Исакъ Анкифиевъ	Исакъ Окинфовичъ
Н3	Акинфъ Жабинъ	Исакъ Анцыфоровичъ	—	Исакъ Анцыфоровичъ

В текстологической вторичности вариантов *Онцифоръ* и *Онцифоровичъ* убеждает не только их соотношение с другими формами, но и появление в Н4 варианта *Онцифоровичъ*, явно возникшего гиперкорректным путем из *Онкифовъ*. Показательно, что известный посадник Онцифор Лукинич и его дети никогда не упоминаются в летописях как **Онкифоръ* или **Онкифоровичи*. По-видимому, ошибочное именование Окинфа Жабина Онцифором, а его сына — Онцифоровичем было спровоцировано упоминанием последнего под 6929 г. рядом с Лукьяном Онцифоровичем: «Того лѣта заложиша двѣ церкви камены: Исакъ Онкифовъ в монастыри на Полѣ святое Богоявление, а Василий Филиповичъ и Лукьянъ Ончифоровичъ постави святыи Спасъ, на Рожважи улицы»¹⁶. Составитель Новгородской 3-й летописи, введенный в заблуждение этим соседством, и вовсе записал Исака Окинфова в семейство Онцифоровичей, сделав его братом Лукьяна Онцифоровича («Поставиша в Великом Новѣградѣ, Исакъ Анцыфоровичъ, да Лутьянъ братъ его, да Василей Филиповичъ двѣ церкви каменных: святое Богоявление, в манастырѣ на полѣ на рѣки Веряжи, и святого Спаса на Розважи улицы»), а под 6903 г. — братом Юрия Анцифоровича¹⁷. Фантомный характер этого родства с полным основанием отметил В. Л. Янин: «Превращение Исака Акинфиевича в Онцифоровича совершилось под пером сводчика, который сопроводил свою ошибку произвольным генеалогическим построением»¹⁸. Таким образом, к роду Онцифоровичей наш персонаж никакого отношения не имел.

Очерченные летописями временные рамки деятельности Исака Акинфова (1395–1421 г.) практически совпадают с периодом активности Александра Фоминича Цесаря (1398–1421 г.). Не менее важно другое. Александр Фоминич, как показывает В. Л. Янин, представлял на посадничестве боярство Прусской улицы¹⁹. В окрестностях Прусской улицы возводит церковь

¹⁵ Сокращения в таблице: ЛА — Летопись Аврамки, НК — Новгородская Карамзинская летопись, Н2, Н3, Н4 — Новгородские 2-я, 3-я и 4-я летописи.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 176.

¹⁷ Новгородские летописи. СПб., 1879. Кн. 1. С. 247–248, 262.

¹⁸ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 161; *Его же*. Средневековый Новгород. М., 2004. С. 39.

¹⁹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 147.

Рождества Богородицы и Исак Акинфов; еще один храм строится им в Аркаже монастыре — родовой обители Михалковичей, крупнейшего боярского клана «прушан». Принадлежность Исака Акинфова к прусскому боярству представляется таким образом несомненной. Наконец, если уровень политических амбиций Александра Фоминича выражен уже самим его прозвищем, то Исак Акинфов, хотя и не проявил себя на государственном поприще, несомненно, обладал исключительным влиянием и финансовыми возможностями: он — один из двух за всю историю Новгорода ктиторов (не из числа архиепископов), единолично построивших за свою жизнь три каменных храма²⁰.

Итак, «Александр Цесарь» и «Исакий» обнаруживаются среди новгородской боярской элиты конца XIV — начала XV в. Важно, впрочем, что пару эти персонажи образуют лишь в контексте сопоставления с концовкой Предисловия: посадников в Новгороде в рассматриваемую эпоху было много и помимо Александра Фоминича, а Исак Акинфов не относился к числу городских магистратов. Работавший в это время летописец — если бы текст создавался им впервые — не стал бы определять таким образом верхний предел летописного рассказа. Однако, обрабатывая древний источник, в котором в качестве такого предела называлось правление цесарей Алексея и Исакия, он вполне мог, как бы невзначай превратив «Олексу» в «Александра», актуализировать хронологическое указание, неявным образом соотнеся его с двумя влиятельными фигурами своего времени.

Имеется возможность подтвердить это предположение, связав его с текстологическими особенностями Н1 мл. Для этого, однако, нам потребуется небольшой генеалогический экскурс.

Через шестнадцать лет после строительства Исаком Акинфовым церкви Рождества Богородицы в Десятинном монастыре Иван Морозов возводит в том же монастыре церковь Зачатия Иоанна Предтечи (имеющую явно патрональное посвящение)²¹. Обратим внимание: ктиторами Десятинного монастыря выступают в эту эпоху лица с патронимами Окинфов и Морозов. Соединение этих — далеко не самых частотных — имен выглядит неслучайным в перспективе возможных генеалогических связей новгородского и московского боярства. Акинфовичи и Морозовы — два крупнейших московских боярских рода, происхождение которых родословцы первой половины XVI в. связывают с Новгородом. И те и другие вели свои роды от дружинников Александра Невского, отличившихся в Невской битве: Акинфовичи — от Гаврилы Алексинича, Морозовы — от Миши Прушанина. «В этом предании, — отмечал С. Б. Веселовский, — есть элемент правды — весьма вероятное происхождение Морозовых, как и Акинфовичей, из Великого Новгорода»²².

Происхождение Морозовых от Миши Прушанина оспорил В. Л. Янин. Он заметил, что Иван Мороз, служивший во второй трети XIV в. Ивану Калите, не может быть тождествен Ивану Морозову, упоминаемому в 1413 г. и, несомненно, связанному с Прусской улицей. Считая последнего потомком Миши Прушанина (что доказывается синодиком церкви Вознесения на Прусской улице), В. Л. Янин полагает, что «в родословных книгах было предпринято искусственное соединение сведений, относящихся к древнему новгородскому роду, и сведений, относящихся к совершенно иному, московскому боярскому роду, причиной чему послужило отождествление двух разных лиц, носивших одинаковые имена и прозвища»²³. Этот вывод был поддержан и другими исследователями²⁴.

Указанное В. Л. Яниным препятствие к признанию московских Морозовых выходцами из Новгорода кажется, однако, слишком очевидным, чтобы думать, что потомки Ивана Мороза

²⁰ Вторым столь же мощным ктиторов выступает в близкую эпоху некий Лазута, построивший церкви св. Иоанна у Немецкого двора (1359 г.), св. Николы на Лятке (1365 г.) и св. Петра на Славне (1368 г.) (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 287, 291, 294). Благодарю В. В. Седова за это указание.

²¹ НПЛ. С. 404.

²² Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 196.

²³ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. С. 212.

²⁴ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 136—138; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 248. Прим. 10.

пренебрегли им, конструируя свою родословную. Понятно, что боярин Ивана Калиты Иван Мороз не может быть тождествен новгородскому Ивану Морозову. Точно так же и сын Гаврилы Алексинича Акинф Великий, погибший в 1304 г., не может быть тождествен отцу Исака Окинфова. Однако прав и А. В. Кузьмин, когда пишет о Морозовых: «[Н]есомненно, что представители рода, будучи неоднократно на воеводстве в Новгороде Великом в конце XV — первой половине XVI в., все же руководствовались какой-то информацией, заставлявшей их искать своих легендарных предков именно в этом, а не в каком-либо другом городе древней Руси»²⁵. Отмеченное нами обстоятельство как раз и позволяет предположить, в чем состояла эта информация. Факт общего ктитинства Исака Окинфова и Ивана Морозова в связанном с Прусской улицей Десятинном монастыре слишком хорошо согласуется с родословной традицией, выводящей с той же Прусской улицы московских Акинфовичей и Морозовых, чтобы видеть в нем случайное совпадение. Редкое имя *Акинф* вполне могло передаваться в роду, а прозвище *Мороз* рано сделаться родовым. Основания предполагать, вслед за С. Б. Веселовским, единство происхождения новгородских и московских родов, таким образом, сохраняются.

Разойдясь с В. Л. Яниным в вопросе о происхождении московских Морозовых и допустив, что они, как Акинфовичи, действительно были выходцами из Новгорода, мы должны в то же время решительно поддержать другое положение ученого, которое возвращает нас к текстологии Н1. Как известно, в повествовании о событиях XIII в. младший извод Н1 отличает от ее старшего извода (Синодального списка) наличие вставных текстов общерусского содержания — выдержек из Жития Александра Невского (6748, 6750, 6754, 6759 г.) и Сказания об убиении в Орде Михаила Черниговского и его боярина Федора (6753 г.); вставки эти считаются синхронными включению в статью 6888 г. рассказа о Куликовской битве.

Включение в Н1 мл Жития Александра В. Л. Янин связал с генеалогическими амбициями прусского боярства XV в., возводившего свои роды к новгородским мужам, сражавшимся с Александром в Невской битве, — Гавриле Олексиничу, Мише, Якуну Сбыславичу²⁶. Предполагаемая нами причастность к редактированию Н1 прусских бояр Исака Акинфова и Александра Цесаря хорошо согласуется с этой гипотезой. Первый не только ктиторовал в том же Десятинном монастыре, что и потомок Миши Иван Морозов, но и сам, согласно нашим выкладкам, был потомком Гаврилы Алексинича, чей подвиг в Житии описан первым и наиболее подробно. Заметим также, что церковь, которую Исаак Акинфов возводит в Аркаже монастыре, посвящена не просто Михаилу Архангелу, но Собору архангелов Михаила и *Гавриила*²⁷. Что же касается Александра (Фоминича) Цесаря, то он, возможно, также происходя от кого-то из

²⁵ Кузьмин А. В. Жития XIII—XIV вв. как источник по генеалогии у аристократии Северо-Восточной Руси // Мир житий. Сборник материалов конференции (Москва, 3—5 октября 2001 г.). М., 2002. С. 100.

²⁶ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 33—135; *Его же*. Средневековый Новгород. С. 250—251. Критика данного положения заключалась в основном в отрицании «прусской» принадлежности Миши. По мнению А. А. Молчанова, указавшего на ряд натяжек в построении В. Л. Янина, в XIII в. в Новгороде был только один Миша — основатель рода Мишиничей-Онцифоровичей из Неревского конца (*Молчанов А. А.* Боярин Миша — предок новгородских феодалов Мишиничей // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1988. С. 103—105). Д. Г. Хрусталева, разделяя этот «совершенно справедливый посыл», вынужден, однако, признать «разнохарактерность деятельности Миши, упоминаемого летописью. В 1228 г. он выступает близким сподвижником Ярослава Всеволодовича, а в 1232 г. примыкает к его противникам и воюет против него с оружием в руках. Тяжело представить, что впоследствии он был прощен и проживал в Новгороде» (*Хрусталева Д. Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII—XIII вв. СПб., 2009. Т. 1. С. 237). Считаем, что вопрос этот непротиворечиво (и в пользу В. Л. Янина) решен А. Е. Мусиным (*Мусин А. Е.* К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 16. Великий Новгород, 2002. С. 84—86). По мысли исследователя, в Новгороде в рассматриваемую эпоху было два Миши. Один — Михалко Степанич, прусский боярин, — был сторонником Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича и сражался с последним в Невской битве. Другой Миша — неревский боярин, основатель династии Мишиничей, — выступал сторонником Чернигова и участвовал в попытке переворота в 1232 г.

²⁷ См. в летописи Аврамки: «Того лѣта постави Исакъ Окинфовичъ церковь камену святого Михаила и Гаврила во Аркажи монастыри» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 138).

«шести храбрых», еще и тезоименит Александру Ярославичу, «цесарское» достоинство которого специально подчеркивается в Житии.

Если включение в младший извод Жития Александра Невского отвечало родовым интересам прусского боярства, то сходным образом могут объясняться и другие одновременно сделанные вставки. Основания думать так действительно имеются.

Включение в Н1 рассказа о Куликовской битве можно, конечно, объяснять одной лишь исторической значимостью события. Вместе с тем этот рассказ мог представлять и специальный семейно-родовой интерес для уже названных Исака Акинфова и Ивана Морозова. Если в Невской битве геройствовали их предки, то на Куликовом поле сражались и пали их московские родичи. В перечне убитых находим Льва Морозова (сына Ивана Мороза), Юрия и Федора Елизаровичей (также потомков Миши Прушанина) и Михаила Ивановича «внука Окинфова»²⁸. Данное обстоятельство может представить в новом свете напряженно дебатированный в последнее время вопрос об участии новгородцев в Куликовской битве²⁹. Главным аргументом в пользу реальности такого участия (ранними источниками не подтверждаемого) является упоминание «на Дону избьеных братии нашей при велицем князи Дмитрии Ивановиче» в синодике XVI в. церкви Бориса и Глеба в Плотницком конце. Представляется, что речь здесь вполне может идти не собственно о новгородцах, а о московских «братьях» прусско-плотницкого боярства, павших в Куликовской битве. Увековечение памяти об этом событии было в интересах тех же боярских кругов, которым было важно и прославление героической дружины Александра Невского.

Сказание об убиении в Орде Михаила Черниговского специального интереса для боярства Прусской улицы, видимо, представлять не могло. В пору княжения в Новгороде Михаила Всеволодовича (1225, 1229 г.) опорой его в среде местного боярства составляли совсем иные круги, связанные со Славенским и Неревским концами. Среди прочерниговски ориентированных бояр, бежавших к Михаилу после событий 1230 г., а в 1232 г. попытавшихся устроить мятеж против Ярослава Всеволодовича, был и уже упомянутый Миша, которого А. Е. Мусин³⁰ считает родоначальником неревской посадничьей династии Неревского конца — Мишиничей-Онцифоровичей. В таком случае включение в Н1 мл Сказания об убиении Михаила Черниговского предстает как акт, уравнивающий включение в нее Жития Александра Невского и отражающий интересы противоположной «прусам» боярской группировки Неревского конца (а также, возможно, и Славенского). Обе агиографические вставки младшего извода Н1 оказываются, таким образом, имеющими одинаковый идеологический подтекст в виде исторических амбиций основных боярских группировок Новгорода периода составления этого летописного свода.

Датировать этот этап истории текста Н1 мл мы можем пока временем совместной активности Александра Цесаря и Исака Акинфова, т. е. периодом со второй половины 90-х годов XIV в. до 1421 г. Более точная датировка зависит в первую очередь от решения вопроса об источнике указанных вставок младшего извода. А. А. Шахматов предположил, что таким источником был Новгородско-Софийский свод — протограф Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей, который ученый датировал сначала 1448 г., а позже — 30-ми годами XV в.³¹ Гипотеза, согласно которой протограф младшего извода Н1 (новгородская владычная летопись, «Софийский временник»), явившийся одним из двух главных источников Новгородско-Софийского свода, в дальнейшем сам испытал на себе его влияние, будучи дополнен на основании летописи типа Софийской 1-й, была поддержана

²⁸ Сказания и повести о Куликовской битве / Подг. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982. С. 15, 21.

²⁹ См.: Азбелев С. Н. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому // Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13. С. 77–102; *Его же*. Новгородцы и Куликовская битва // Новгородский исторический сборник. Вып. 11 (21). С. 142–150; Дубровин Г. Е. Легенды об участии новгородцев в Куликовской битве и прусско-плотницкое крыло «московской партии» Новгорода во второй половине XV в. // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 75–95.

³⁰ См. прим. 26.

³¹ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М., 1938. С. 164.

Ю. К. Бегуновым, Я. С. Лурье, А. Г. Бобровым³². Более осторожно оценивает соотношение текстов Б. М. Клосс, замечая, что «основное ядро памятника (младшего извода Н1. — А. Г.) сложилось в первой четверти XV в. в процессе создания Летописного свода митрополита Фотия (о чем свидетельствует включение в состав Новгородской летописи повестей общерусского содержания: об Александре Невском, Михаиле Черниговском, о сражении на Куликовом поле)³³.

Результаты двух новейших исследований заставляют, однако, иначе трактовать данный вопрос. С одной стороны, как убедительно показал В. А. Кучкин, рассказ Н1 мл о Куликовской битве не является извлечением из Новгородско-Софийского свода, но, напротив, первичен по отношению к рассказу летописей типа Н4 и С1 и восходит к тому же источнику, что и текст Рогожского летописца. В обеих летописях — Н1 мл и Рог., считает Кучкин, использована статья 1380 г. московского летописного памятника, предшествовавшего митрополичьему своду 1409 г.³⁴

С другой стороны, Т. В. Гимон, анализируя разночтения списков Н1, летописей Новгородско-Софийской группы и Тверского сборника, показал, что от оригинала новгородской владычной летописи XIII—XIV в. протограф Комиссионного и Академического списков Н1 отделяют два промежуточных списка: X и Y; при этом к Y восходит — через свод 1534 г. — Тверской сборник, а к X — протограф Новгородско-Софийской группы. Включение в Новгородскую летопись житийных повестей об Александре Невском и Михаиле Черниговском было сделано, как предполагает Гимон, в списке Y, т. е. на этапе, предшествовавшем созданию копии владычной летописи, использованной составителем Новгородско-Софийского свода³⁵. Хотя последнее положение специально не обосновывается исследователем, согласиться с ним есть все основания. Действительно, в соответствующих статьях Тверского сборника мы находим соединение текста типа Ермолинской и Львовской летописей с текстом летописи типа Н1, при этом пространные заимствования из Жития Александра Невского явно восходят ко второму источнику (в протографе Ермолинской и Львовской летописей они подверглись сильному сокращению). Приведем в качестве примера начало статьи 1242 г.:

Н1 мл	Тверской сборник	Ермолинская летопись
В лѣто 6750 [1242]. Поиде князь Александръ с новгородци и с братомъ Андрѣемъ и с низовци на Чюдскую землю на Нѣмци в зимѣ, в силѣ велицѣ, да не похвалятся, ркуще: «укоримъ словеньскыи языкъ ниже себе»; уже бо бяше Псковъ взят, и тиунѣ их посаженѣ. И князь Александръ зая вси пути до Плескова; и изгони князь Псковъ, и изима	Въ лѣто 6750, веснѣ, сѣбращася нѣмци съ сеа стороны, и приидоша къ Пскову, полкы псковьскыа побиша, а въ псковѣ намѣстники своа посадиша. Князь Александръ то слышавъ, велми оскорбѣ, не повѣдавъ не мало, поемъ съ собою брата князя Андрѣя, поиде изъ Новагорода (на) <u>Нѣмци, на Чюдскую землю, съ Новгородци и Низовци, зимѣ, в силѣ велицѣ, да</u>	Въ лѣто 750. ...Тоя же зимы собравшеся Немци сея стороны, приидоша къ Пскову и полки псковьскыа побѣдиша, а во Псковѣ намѣстники своя посадиша. Александръ же се слыша и велми оскорбѣ, и не помедливъ ни мала, поемъ съ собою брата Андрѣя, иде къ Новугороду. И поиде изъ Новагорода на Немци съ Новгородци и съ низовци, и заа всѣ пути до Пскова, изгони градъ Псковъ, и изнима

³² Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 229–238; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 91–94; Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. С. 89.

³³ Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. VII.

³⁴ [Кучкин В. А.] Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи // Памятники Куликовского цикла / Сост. А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. М., 1998. С. 27.

³⁵ Гимон Т. В. Редактирование летописей в XIII–XV вв.: разночтения между списками Новгородской 1 летописи // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 118–119.

<p>Нѣмци и Чюдь, и, сковавъ, поточи в Новѣгород, а самъ поиде на Чюдь. И яко быша на земли, пусти полкъ всѣ в зажитыя; а Домашъ Твердислалци и Кербетъ быша в розгонѣ...³⁶</p>	<p><u>не похвалятыя поганин,</u> <u>ркуще: «укоримъ словеснымъ</u> <u>языкъ ниже себе;» уже бо</u> <u>баше Пьсковъ взятъ, и</u> <u>тиюни ихъ посажени. Князь</u> <u>же Александръ зяять всѣ пути</u> <u>до Пьскова, и изгони князь</u> <u>Пьсковъ, изыма Нѣмци и</u> <u>Чюдь, и сковавъ, поточи в</u> <u>Новѣгородъ, а самъ поиде на</u> <u>Чюдь, и усвободи Пьсковъ,</u> <u>оплѣняя землю Нѣмецкую.</u> <u>И яко быша на земли Чудской,</u> <u>посла полкъ свой въ зажитиа;</u> <u>а Домашъ Твердославичъ и</u> <u>Кербетъ быша в розгонѣ...³⁷</u></p>	<p>Немци и Чюдь оковавъ и посла к Новугороду и свободи Пьсковъ отъ плена; а землю Немецкую шедъ повоева и пождъже, а полонъ многоъ взя, а иныхъ изъче³⁸.</p>
---	--	---

Если новгородский источник Тверского сборника действительно отпочковался от древа владычного летописания ранее составления Новгородско-Софийского свода (что, на наш взгляд, следует из данных Т. В. Гимона вполне однозначно), значит, агиографический материал в нем уже присутствовал, хотя и в меньшем объеме, чем он читается в Софийской 1-й летописи.

В том, что текст Жития Александра Невского используется в С1 более полно, чем в Н1 мл, обычно видят главное свидетельство зависимости последней от Новгородско-Софийского свода³⁹. Между тем данное обстоятельство вполне может объясняться вторичным привлечением Жития Александра при составлении протографа С1 или ее самой. В литературе уже отмечалась неоднородность текста Жития в С1, использующей, помимо первой редакции памятника, также его Особую редакцию⁴⁰. Сходным образом обстоит дело и со сказанием о Михаиле Черниговском: в то время как в Н1 мл оно вошло в своей краткой проложной редакции, в С1 от этой редакции сохранилась лишь начальная фраза; в остальном же использованный текст восходит ко второй редакции Распространенного сказания (по С. Серебрянскому, «Распространению редакции отца Андрея»)⁴¹. Ничто не мешает предположить, что текстологически однородный материал двух житийных сказаний вошел в Новгородско-Софийский свод из его новгородского летописного источника и редактировался составителем с привлечением дополнительных источников⁴².

Можно утверждать, таким образом, что окончательное оформление младшего извода Н1 как текстологического типа произошло до создания Новгородско-Софийского свода. Составитель последнего использовал Новгородскую владычную летопись — Софийский «Временник» — практически в том же виде, какой мы знаем по Комиссионному и Академическому спискам (но, разумеется, доведенный до времени работы сводчика). Общерусская составляющая Н1 мл явилась не выборкой из соответствующего пласта Новгородско-Софийского свода и не побочным продуктом работы по его составлению, но результатом самостоятельной акции, мотивы которой

³⁶ НПЛ. С. 295.

³⁷ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 381.

³⁸ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 79.

³⁹ См.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 92.

⁴⁰ Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. Л., 1985. С. 56–62.

⁴¹ См.: Дмитриев Л. А. Сказание о убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. XI — первая половина XIV в. С. 415.

⁴² Сходное с нашим представление о соотношении агиографических вставок Н1 и С1 было высказано Н. И. Милютенко в ее докладе на конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» в октябре 2009 г.

мы попытались вскрыть выше и которая сама оказала влияние на архитектуру общерусского свода — протографа Новгородско-Софийской группы.

Terminus ante quem создания *Н1 мл (обозначим так состояние «Временника» после включения в него общерусского материала — список У Гимона) могла бы, следовательно, задать дата создания протографа С1—Н4—НК, однако она остается предметом дискуссии, как и вопрос о статусе центрально-русского летописного свода, впервые объединившего материалы новгородского и общерусского летописания. Следуя А. Г. Боброву, *Н1 мл нужно было бы считать источником свода 1411 г.⁴³ — первой подборки Новгородской Карамзинской летописи; следуя Б. М. Клоссу — источником свода 1418—1419 г. митрополита Фотия⁴⁴. Тем не менее, принципиально важно, что датировка общерусского свода никак не ограничивает «снизу» возможного времени создания *Н1 мл, который мог быть составлен как в начале XV в., так и в конце предыдущего столетия.

Важной особенностью *Н1 мл, существенной для уточнения его датировки, является рассказ о Куликовской битве, который (несмотря на известную фразу о «москвичах-небывальцах», убожавшихся татарских полчищ) обнаруживает лояльность московской великокняжеской власти. В рамках схемы развития текста Н1 в XV в., предложенной А. Г. Бобровым, такую позицию владычной летописи можно было бы связать с кратковременным нахождением на кафедре промосковски настроенного архиепископа Феодосия, при котором, как полагает Бобров, «в раздел, предваряющий архиепископскую летопись, были включены статьи о родословии великих князей и о русских городах, произведена правка и дополнение ряда статей 1204—1251 г. по центрально-русскому источнику (типа С1), а также были написаны годовые статьи 1421, 1422 и 1423 г.»⁴⁵. Говоря о правке по центрально-русскому источнику, А. Г. Бобров имеет в виду, в частности, включение в протограф Н1 мл житийных сказаний об Александре Невском и Михаиле Черниговском; рассказ о Куликовской битве исследователем не упоминается, хотя он как нельзя лучше отвечает предполагаемой тенденции редакции.

Поскольку, однако, как мы заключили выше, вставка во владычную летопись житийных сказаний была сделана не на основе «центрально-русского источника (типа С1)», но предшествовала созданию общерусского свода, в 1423 г. она произведена быть не могла: обе предложенные в последнее время датировки этого свода (1411 и 1418—1419 г.) предшествуют этой дате⁴⁶. Что же до списков князей, то из факта составления в 1423 г. подборки, предваряющей Н1 в Комиссионном списке⁴⁷, не следует автоматически, что в том же году была отредактирована или переписана сама летопись. С другой стороны, к 1423 г. посадника Александра Фоминича уже два года как не было в живых, и, если синхронная вставке житийных сказаний редакция заключительной фразы Предисловия имела в виду его, она также не могла быть произведена в это время. Это заставляет нас искать другой подходящий исторический момент создания *Н1 мл.

Таким моментом, на наш взгляд, могло стать кратковременное сближение Новгорода с Москвой в 1395—1397 г., предшествовавшее конфликту из-за двинских земель, грянувшему в

⁴³ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. С. 111—128.

⁴⁴ Клосс Б. М. Первое предисловие к изданию 2000 г. С. XV—XVI.

⁴⁵ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. С. 89.

⁴⁶ М. А. Шibaев, отстаивая в полемике с А. Г. Бобровым и Г. М. Прохоровым шахматовское представление о Новгородско-Софийском своде — протографе Н4 и С1 и считая, что свод этот заканчивался статьей 1418 г., не исключает возможности составления его в более позднее время. При этом исследователь ссылается только на мнение М. А. Салминой, отождествляющей упомянутого в С1 и Н4 среди убитых на Куликовом поле Федора Торусского с одноименным князем, павшим в Белевском сражении в 1437 г., и заключающей на этом основании, что Новгородско-Софийский свод был составлен после 1437 г. (Шibaев М. А. Редакторские приемы составителя Софийской 1 летописи // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Редактор и текст.* СПб., 2000. Вып. 3. С. 383; Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // *Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла.* М.; Л., 1966. С. 373). Считаем, что совершенно прав Б. М. Клосс, не признавая за этим соображением силу текстологического аргумента (см.: Клосс Б. М. Первое предисловие к изданию 2000 г. С. XIII).

⁴⁷ Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской 1 летописи в русском летописании XV в. // *Летописи и хроники.* 1980. М., 1981. С. 158—160.

конце 1397 г. Именно в эти годы Исак Акинфович возводит два из построенных им трех каменных храмов — случай, как уже говорилось, редчайший в истории Новгорода. Из этих храмов для нас сейчас особенно важен второй, заложенный в 1397 г. и посвященный Рождеству Богородицы. Как отмечает А. Г. Бобров, «этот праздник в сознании современников не мог не связываться с происшедшей в этот день Куликовской битвой. Строительство монастырей и церквей, посвященных Рождеству Богородицы, после 1380 г. заметно активизируется»⁴⁸. В Новгороде оно выражается в первую очередь в строительстве Лисицкого монастыря (первое упоминание — 1389 г., каменная церковь — 1393 г.), ставшего, как показал тот же Бобров, очагом промосковской церковной политики. На этом фоне строительный акт Исака Акинфова тоже прочитывается как знак лояльности Москве. Замечательно и следующее. Церковь Рождества Богородицы «в Десятине» была, согласно свидетельству Синодального списка Н1, впервые построена архиепископом Моисеем в 1327 г.⁴⁹ Однако в Н1 мл это известие отсутствует, из-за чего строительство Исака Акинфовича предстает как лишенное предыстории. Между тем основание архиепископом Моисеем Десятинного монастыря — на месте, где, по преданию, происходила знаменитая битва новгородцев с суздальцами в 1170 г., справедливо считается одним из этапов формирования Знаменского культа, в XIV в. идеологически связанного с противостоянием Новгорода Москве⁵⁰. Изъятие данного известия из владычной летописи естественно связать со строительством храма 1397 г., имевшим прямо противоположную политическую подоплеку, хорошо ощутимую в рассказе Н1 мл о Куликовской битве: «Сиа же сдѣяся побѣда князю великому мѣсяца септября въ 8, на Рожество святѣи богородици»⁵¹.

Положившая конец сближению с Москвой отправка Новгородом войска в Заволочье для возвращения двинских земель произошла, как мы узнаем из записи Минеи 1398 г., в посадничество Александра Цесаря. По расчетам В. Л. Янина, Александр Фоминич занял вакансию, освободившуюся в 1397 г. после смерти прусского представителя в посадничестве Есифа Фалеевича⁵². Судя по тому, что в записи Минеи из посадников упоминается только он, Александр был сразу сделан степенным посадником. Тот факт, что взлет его политической карьеры совпадает с пиком ктиторской активности Исака Акинфова, для нас весьма примечателен. Но этим хронологическим совпадением дело не исчерпывается. Обратим внимание: хотя в записи Минеи 1398 г. за именем посадника непосредственно следует сообщение о двинском походе⁵³, подробный рассказ Н1 мл о тех же событиях ни словом не упоминает посадника Александра, хотя называет трех других посадников, инициировавших посылку войска в Заволочье⁵⁴. Чем можно объяснить это несоответствие? Не тем ли, что Александр Фоминич, хотя и занимал в 1398 г. посадничью степень, сохранял лояльность великому князю, прямо не участвуя в организации двинского похода? Если это предположение верно, «Александр и Исакий» оказываются, помимо территориальной принадлежности, объединены и общими политическими симпатиями.

Предлагаемая датировка протографа Н1 мл 1397 г. находит косвенное подтверждение в литературных особенностях записей владычной летописи за эти годы. В статьях 6905—6907 г. обнаруживаем необычную концентрацию контекстов, построенных на материале, извлеченном из ранних (до середины XIII в.) частей самой Н1. Ср.:

⁴⁸ Там же. С. 121.

⁴⁹ НПЛ. С. 98. В Н4 и ЛА сказано, что церковь основала «княгини Святославля» (ПСРЛ. Т. 4. Ч 1. С. 260; Т. 16. С. 64).

⁵⁰ Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 228—228.

⁵¹ НПЛ. С. 377.

⁵² Янин В. Л. Новгородские посадники. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2003. С. 297.

⁵³ «...при посадницѣ Сѣлекандрѣ Ц(е)с(а)ри. В то время послаша новгородѣци за Волокъ рать» (Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV вв. С. 387).

⁵⁴ «И биша чолом посадникъ Тимофѣи Юрьевич, посадникъ Юрьи Дмитриевич, Василии Борисович и бояри и дѣти боярьскыи и житѣи люди и купечкыи дѣти, и вси их вои: “благослови, господине отче владыко, поискати святѣи Софии пригородовъ и волости...”» (НПЛ. С. 391).

<p>6905: и бысть крестияномъ радость и веселье, а дьяволъ, видя крестияномъ добро, плакашеса, видя себе побѣжаема, а злодѣи крестиянъскыи помрачашася.</p>	<p>6496: а дьяволъ, стоня, глаголаше: «...и се уже побѣжаемъ есмь от невѣглас, а не от апостоль, ни от мученикъ...».</p> <p>6763: и весь миръ радости исполнися, а злодѣи омрачашася: зане крестияномъ радость, а дьяволу пагуба, зане не бысть крестияномъ кровопролитья велика.</p>
<p>6906: новгородци же ркоша своему господину отцю архиепископу владыцѣ Ивану: «не можемъ, господине отче, сего насилья терпѣти от своего князя великаго Василья Дмитриевича».</p>	<p>6524: Ркоша новгородци: «сего мы насилья не можемъ смотрити».</p> <p>6778: «а нынѣ, княже, не можемъ трѣпѣти твоего насилья».</p>
<p>6906: «...или пакы изнаидем свою отчину къ святѣи Софѣи и к великому Новугороду, пакы ли свои головы положимъ за святую Софѣю и за своего господина за великыи Новѣгород».</p>	<p>6723: «или възыщут (Т — изыщут) мужи новгородстѣи волости, пакы ли главу свою положю за Новѣгород» (Син: «любо изыщут мужи новгородстии и волости»).</p>
<p>6906: Се же слышавши воеводы новгородскыи, и ркоша своеи братии воеводам: «дажь, братие, тако сдумалъ нашъ господинъ князь великыи съ крестопреступники съ двиньскими воеводами, лучши, братие, нам изомрети за святую Софѣю, нежели въ обидѣ быти от своего князя великаго».</p>	<p>6763: И ркоша новгородци: «братѣе, аще князь нашъ тако сдумалъ с нашими крестопреступници, онъ им богъ и святая Софѣя, а князь безъ грѣха».</p> <p>6712: и рѣша сами к собѣ вси: аще намъ нѣту Исаковица, с нимъ же есме пришли, да луче ны естъ умрети у Цесаряграда, нежели съ срамомъ отѣити».</p>
<p>6907: и посла к нему послы с послѣднею рѣчью: «оже еси пришел с нами битися, а нашего бѣлаго цесаря не выдалъ еси, а мы твоеи земли не заяхомъ, ни городовъ, ни селъ, но всѣмъ нам богъ и правда».</p>	<p>6732: И прислаша к нимъ Татарове второе послы, ркуще тако: «аще есте послушали Половецъ, а послы наши есте избилъ, а идете противу нас, то вы поидите; а мы вас не заяхомъ ничим, да всѣмъ естъ богъ и правда».</p> <p>6723: и потомъ послаша Мануилу Ягълочевица с послѣднею рѣчью.</p>
<p>6907: Аще богъ по крестиянех, то кто на ны?</p>	<p>6736: Нъ аще богъ по нас, никтоже на нас (Син: Нъ аще богъ по насъ, кто на ны?).</p>

Литературная преемственность в отношении более ранней летописной традиции наблюдается в Н1 мл и до 1397 г., однако в тексте за предшествующие полвека она не носит столь концентрированного характера и ограничивается воспроизведением определенных схем назидательного комментария. Ср.:

<p>6880: И кто, братѣе, о сем не поплачется, кто ся осталъ живых видѣвъ, како онѣ нужную и горкую смерть подъяша, и святыя церкви пожжены, и городъ весь отинуд пустъ: понеже бо ни от поганых не бывало такового зла.</p>	<p>6745: И кто, братѣе, о семъ не плачется, кто ся нас осталъ живых, како они нужную и горкую смерть подъяша.</p>
--	---

6892: Тоже, братие, богъ казнить ны по нашему съгрѣшению, кажа нас на покаяние, да быхом ся покаялѣ от злѣбъ своих; казнивѣ, помилуи, господи; и бысть свѣтъ, и ради быхомъ.	6807: Тоже, братѣе, богъ казнить за грѣхы наша, кажа нас на покаяние, да быхом ся осталѣ злѣбъ своих; аще согрѣшихомъ. нь не отчаемся твоя милости: твоя бо власть есть казнити и паки миловати. Казнивѣ, господи, помилуи.
--	---

В статьях 1397–1399 г. мы видим совсем иное отношение к традиции, выступающей в качестве источника выразительных средств построения самого летописного рассказа. Это изменение нарративной стратегии естественно, на наш взгляд, связать с созданием в 1397 г. *Н1 мл: летописец, составлявший статьи 1397–1399 г., находился под литературным влиянием только что переписанного им текста владычной летописи и охотно использовал запомнившиеся ему яркие образы и формулировки.

С датировкой протографа Н1 мл 1397 г. хорошо согласуется и факт использования в рассказе о Куликовской битве раннего московского летописного источника, предшествовавшего созданию митрополичьего свода, отразившегося в Троицкой летописи. Выписка из этого источника могла быть сделана, например, в ходе поездки архиепископа Иоанна в Москву в 1396 г., о которой Н1 сообщает: «ѣзди владыка Иванъ к митрополиту Киприяну на Москву, позванъ от митрополита, и пребысть на Москвѣ 2 дни, и отпусти и митрополит съ благословениемъ и съ честию, и прииха въ Новгород, вторник на святой недѣлѣ»⁵⁵.

«Свод 1397 г.» (которому в стемме Т. В. Гимона соответствует «гипотетический Y») был, скорее всего, первой после Синодального списка Н1 полной копией «официального экземпляра» новгородской владычной летописи — Софийского «Временника». Но если Синодальный список был изготовлен для Юрьева монастыря, то свод 1397 г., судя по его дальнейшей судьбе, создавался как новое «издание» самой владычной летописи. Его создание могло быть вызвано ветхостью рукописи «Временника», которая к концу XIV в. должна была представлять собой уже сильно потрепанный конволют, с большим количеством дополнительных листов и тетрадей. Заменить этого ветерана и был призван, очевидно, новый кодекс. Следует думать, что дальнейшее пополнение владычной летописи погодными записями осуществлялось уже на страницах новой рукописи.

Тот же цикл — копирование владычной летописи и продолжение копии погодными записями — должен был повториться спустя некоторое время (скорее всего, в 10-е годы XV в.), дав «гипотетический X» Т. В. Гимона, использованный протографом Новгородско-Софийской группы, а затем, вместе с его погодным продолжением, — протографом Комиссионного и Академического списков.

В заключение схематически воспроизведем последовательность наших рассуждений.

Спроецировав заключительную фразу Предисловия к «Софийскому временнику» с упоминанием «Александра и Исакия» в новгородскую действительность рубежа XIV–XV в., мы обнаружили в ней не только «Александра цесаря» (на что уже указывал А. Г. Бобров), но и «Исакия» — боярина Исака Акинфова, выделяющегося среди своих современников исключительной ктиторской активностью.

Связь с Прусской улицей и вероятное родство Исака Акинфова с московским боярством позволили предположить, что причастность к летописному процессу названных лиц проявилась не только в редактуре концовки «Предисловия», но также во включении в протограф младшего извода Н1 трех общерусских текстов: Жития Александра Невского, Сказания об убиении Михаила Черниговского и рассказа о Куликовской битве.

Это предположение хорошо согласуется с выводом (основанным на независимых наблюдениях В. А. Кучкина и Т. В. Гимона), согласно которому общерусские тексты Н1 мл вошли

⁵⁵ НПЛ. С. 387.

в состав новгородской владычной летописи еще до создания свода — протографа С1—НК—Н4, к которому они до последнего времени возводились.

Пытаясь точнее определить, когда это произошло, мы как на наиболее подходящий исторический момент указали на 1397 г., когда — на фоне кратковременного сближения Новгорода с Москвой — Исак Акинфович возводит церковь Рождества Богородицы в Десятинном монастыре, а Александр Цесарь становится степенным посадником.

Таким образом, мы полагаем, что именно в 1397 г. путем переписки и частичного редактирования ветхого официального экземпляра новгородской владычной летописи был создан протограф младшего извода Н1, в дальнейшем пополнявшийся погодными записями и несколько раз копировавшийся.